

Н. П. Шок, Н. Ю. Пивоваров

«ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ»: ГУМАНИЗМ И ЭТИКА ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАКУРСЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА (1956-1962 ГГ.)*

Статья посвящена анализу миротворческой политики советского руководства в период, когда СССР постепенно переходит от открытой конфронтации к мирной конкуренции. Основное внимание уделено рассмотрению идей советского руководства в области глобальной безопасности и этики международного диалога. В качестве основных источников привлекаются материалы высших партийных органов – ЦК ВКП(б)/КПСС, документы о подготовке и участии представителей СССР в различных миротворческих организациях, переписка советских лидеров с представителями мировых общественных организаций, выдающимися учеными и простыми гражданами иностранных государств, демонстрирующая реакции советского руководства на милитаристические и антигуманные шаги в отношении человечества.

Ключевые слова: *холодная война, советская история, ЦК ВКП(б)/КПСС, история биоэтики, гуманизм*

Научно-технический прогресс XX столетия формировал новый образ науки. Ее достижения перестали быть чем-то элитарным; напротив, они активно стали внедряться в человеческую жизнь. Изменения такого рода заставляли мировую общественность задумываться об угрозе безопасности человека; по-новому ставились вопросы о ценности его жизни в целом. Наиболее показательным в этом отношении является процесс развития ядерных технологий во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.¹, стимулирующий выработку советским руководством общих подходов по денуклеаризации и глобальной ядерной безопасности. В настоящей статье такие действия руководителей СССР рассматриваются в ракурсе проблемного поля биоэтики.

В этом отношении особую важность приобретает анализ позиции советского руководства², вынужденно реагирующего на мировые де-

---

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-78-10018 «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества».

¹ Именно со второй половины 1950-х гг. человечество начинает активно рефлексировать по поводу проблем, связанных с ядерной войной, глубже осознавая последствия ядерного заражения биосферы.

² Исторические репрезентации, ориентированные на исследование участия советского руководства в поиске путей организации эффективного международного диалога, позволяют более детально изучать современный социокультурный дискурс сохраняющих актуальность мировых проблем. Особенно ярко это прослеживается в активизации международного диалога о глобальной биоэтике, в основе которой лежат идеи глобальной биобезопасности, противодействия новым биологическим угрозам и биотерроризму.

нуклеарные процессы и предлагающего свое видение по формированию «повестки дня» глобальной биобезопасности, с ориентированием на миротворческую политику³. При рассмотрении этой проблемы основными источниками для нас служили документы высших партийных органов, собранные в т.н. «тематические» дела Политбюро ЦК КПСС группы 6 «Международные общественные организации», в которую были помещены постановления Политбюро и Секретариата ЦК, а также материалы, на основе которых они принимались; переписка Н.А. Булганина, а затем Н.С. Хрущева с мировой общественностью по вопросам денуклеаризации, включая широкий спектр вопросов, связанных с этикой глобальной безопасности⁴. Все в целом позволяет проследить эволюцию идей гуманизма как в общемировом масштабе, так и на уровне советской страны и ее руководства.

Важно обратить внимание не только на трудности такого диалога, его новые формы, этическую составляющую, но и на т.н. «дипломатический подход» при ответах советского руководства на вопросы зарубежных корреспондентов.

Трудности диалога: проблемы денуклеаризации в первое послевоенное десятилетие

В первые послевоенные годы советское руководство довольно активно пропагандировало идеи тотального запрета ядерного оружия. Для этого использовались как официальные дипломатические каналы, так и неофициальные. К последним, в частности, относится и деятельность миротворческого движения, в первую очередь, Всемирного Совета мира (ВСМ), ставшего рупором советской пропаганды⁵.

Напомним, что страна Советов впервые выступила против запрета ядерного оружия на Генеральной Ассамблее ООН еще в 1946 г., но более развернуто и настойчиво вопросы денуклеаризации ее руководство стало поднимать начиная с 1949 г. Это было связано с финальной стадией разработки первой советской атомной бомбы. Так, в итоговый документ Всемирного конгресса, состоявшегося в 1949 г., советским делегатам удалось включить положение о «сокращении вооруженных

---

³ Проблема миротворческого движения и его вклада в решение ядерной безопасности довольно подробно изучена в историографии. См., напр.: Хайцман 1962; Мир и разоружение...; Тарле 1988; Larson 1997; Kramer 1999; Робертс 2008; Велембовская 1999; Харахардин 2002; Новик 2011; Егорова 2015; 2015; 2016. При этом исследователи (по причине недоступности ключевых источников) не уделяли достаточного внимания реакциям на эту проблему и проектам высшего советского руководства.

⁴ В числе таковых влияние ядерных испытаний на окружающую среду и здоровье людей; распространение ядерного оружия; глобальные прогнозы существования самой человеческой цивилизации; прекращение ядерных испытаний и др.

⁵ На заседаниях ВСМ вопросы по мировой денуклеаризации ставились с завидной регулярностью вплоть до середины 1950-х гг.

сил великих держав, запрещении атомного оружия и других средств массового истребления и установлении эффективного международного контроля за использованием атомной энергии лишь в мирных целях»⁶.

В марте 1950 г. СССР выступил с идеей проведения мировой кампании по сбору подписей о запрете использования атомного оружия и объявления преступным того правительства, которое передает атомное оружие другой стране⁷. В августе 1950 г. члены советской делегации на заседании бюро комитета Всемирного конгресса сторонников мира должны были донести до мировой общественности идеи о том, что необходимо «не ограничиваться одними требованиями запрещения атомного оружия, а добиваться развертывания и усиления всесторонней борьбы за прочный мир, против новой войны»⁸.

После смерти И.В. Сталина вопросы денуклеаризации отходят на задний план; главными темами того периода (1953–1955) становятся окончание войны в Корее и Индокитае, германский вопрос, экономические, политические и культурные последствия ослабления международной напряженности. Новые советские руководители, Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев, заявляют, что сокращение ядерного оружия расширит «экономический обмен, которого требуют народы всех стран, как выхода из напряженного положения и как средства повышения жизненного уровня народов»⁹. Очевидно, что поменялась коннотационная составляющая. Если до 1953 г. весь диалог строился на основе ультиматумов, предъявляемых западным странам (поскольку речь шла только о сокращении западного ядерного потенциала), то на ноябрьской сессии ВСМ в Вене в 1953 г. советским делегатам было разрешено упомянуть о стремлении Москвы к диалогу, переговорам «как единственному средству разрешения международных споров»¹⁰.

---

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 2. Л. 108. В «Манифесте Всемирного конгресса сторонников мира», принятом в Париже и опубликованном в «Правде», объявлялось о возможности использования атомной энергии «исключительно для мирных задач и для процветания человечества». Правда. 1949. 27 апреля (№ 117).

⁷ Там же. Л. 110.

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 4. Л. 2.

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 7. Л. 51.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 7. Л. 99. Позиция французских и итальянских коммунистов наша поддержку у консерваторов в советском руководстве. Так, будущий главный советский идеолог М.А. Сулов, подводя итоги работы советской делегации в Вене, в ноябре 1953 г. писал, что вопрос о сокращении вооружений и запрете водородного и других видов оружия массового уничтожения должен быть в центре внимания миротворческого движения, так как он «имеет огромную популярность в силу своего гуманного характера» (Там же. Л. 65). По всей видимости, давая такие предложения, М.А. Сулов действовал с оглядкой на более влиятельного члена ЦК КПСС – министра иностранных дел В.М. Молотова. Не случайно, что спустя несколько дней после записки Сулова, члены Президиума ЦК рассмотрели записку Молотова, в которой предлагалось опровергнуть распространяющуюся в западных СМИ ин-

Западные ученые, помогавшие СССР и чувствовавшие свою личную ответственность за социальный эффект развиваемых ими направлений, инициативно и публично выступали против уничтожения человечества и развития ядерных угроз. Вместе с тем, активно вырабатываемые пессимистические сценарии были негативно восприняты членами ЦК, так как, по их мнению, распространение подобных взглядов не только не содействовало мобилизации общественного мнения против подготовки атомной войны, но, наоборот, порождало «настроение обреченности, подавленности и безнадежности усилий народов перед перспективой неминуемой гибели, что неверно по существу и выгодно только организаторам и пропагандистам атомной войны»¹¹. Поэтому уже начиная с конца мая 1953 г. советские миротворцы начинают снижать градус ядерной угрозы.

На пути к глобальной безопасности: новые формы и этика диалога

XX съезд КПСС стал отправной точкой в пересмотре внешнеполитических ориентиров, провозгласив политику мирного сосуществования двух систем. Ядерная безопасность становится одним из важнейших условий такой мирной жизни. Впервые о проблемах ядерной безопасности стали высказываться не только советские общественники, но и первые лица СССР. Так, в августе 1956 г. председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин направил участникам Второй (Токийской) международной конференции против применения атомного и водородного оружия приветственное послание. Ничем не примечательный акт стал исключительно важной инициативой как с политической точки зрения, так и в ракурсе развития глобальной этики диалога государств.

В послании утверждалось, что «Советский Союз неизменно выступает за полное запрещение атомного и водородного оружия и изъятие его из вооружений государств», что «народы мира более всего желают сохранить прочный мир, избавиться навсегда от ужасов атомной войны и использовать величайшее открытие человеческого разума - атомную энергию, не в целях разрушения достижений человеческой культуры, а в целях обеспечения условий мирного созидания, в интересах подъема жизненного уровня всех трудящихся»¹². Обращение от имени первого лица Советского Союза (Н.А. Булганина) было принципиально новым шагом в демонстрации позиции Москвы по вопросам глобальной безопасности. Так, в ответе председателя ЦИК Японской социал-демократической партии М. Судзуки, одного из организаторов

формацию об отсутствии со стороны США фактов применения бактериологического оружия. Молотов предлагал направить в Китай и Корею специальную комиссию из ученых, чтобы опровергнуть выводы западных журналистов (Там же. Л. 73).

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 8. Л. 174.

¹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 25. Л. 106.

Токийской конференции, утверждалось, что послание Н.А. Булганина способствовало «ослаблению международной напряженности».

С одной стороны, менялись подходы и отношение советского руководства к проблеме ядерной безопасности, с другой, изменялось и отношение к атомному оружию во всем мире. В марте 1957 г., спустя несколько лет после бездействия, возобновила работу подкомиссия ООН по вопросам разоружения, в повестку дня которой впервые был включен вопрос о запрещении испытаний ядерного оружия. Чуть позднее, начиная с середины 1957 г., к антиатомному движению и диалогу подключились Норвегия и Франция¹³. Фактически, на всех мероприятиях речь шла о биобезопасности и проблемах ценности жизни в условиях развития науки и технологий, что может быть позиционировано в качестве одной из предпосылок идеи глобального биоэтического дискурса.

С весны 1957 г., под влиянием увеличивающейся международной активности советское руководство начинает постепенно менять дипломатический язык и подходы к решению проблем глобальной безопасности. Если в начале 1957 г. ЦК утверждало тексты (директивы для советских делегаций или приветственные послания), в которых все сводилось к возможной атомной войне¹⁴, то уже в мае – апреле того же года милитаристский тон (акцентирующий угрозу войны, уничтожение человечества и т.д.) постепенно меняется на дипломатический, и Москва включается в мировую кампанию по запрету испытаний ядерного оружия.

«Дипломатия писем» и этика глобального диалога

Новым подходом в выстраивании этики глобального диалога стало широкое использование «дипломатии писем» – посланий высшего советского руководства (от лица председателя Совета Министров, первого секретаря ЦК КПСС или министра иностранных дел) отдельным активистам и общественным организациям. Обращение к мировой общественности от имени первых советских лиц стало важным элементом нового этического подхода к решению глобальных вопросов со стороны Москвы. Первоначально письма отправлялись от имени Н.А. Булганина, но с конца 1957 г. лидером диалога становится Н.С. Хрущев. В декабре 1957 г. он направляет Б. Расселу два письма, что явилось важным политическим шагом в отношении развития этики мирового диалога. В целом, с середины 1957 г. до начала 1962 г. Президиум ЦК КПСС утвер-

---

¹³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 25. Л. 160. Непосредственным поводом для этого послужили сообщения ученых об опасности заражения людей при выпадении радиоактивных осадков после испытания ядерных бомб.

¹⁴ Например, так обращались советские профсоюзы к профсоюзам Англии и США: «...тревогу миролюбивых народов перед возросшей угрозой вызывает развязывание врагами мира атомной войны [...] идея атомной войны все больше овладевает умами некоторых государственных и военных деятелей капиталистических стран» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 25. Л. 187).

дил тексты 52 писем и посланий. Практически ни одно заседание высшего партийного органа этого периода не обходилось без обсуждения проекта очередного послания. Как правило, все советские письма были ответами на корреспонденцию, приходившую на имя высшего советского руководства, в которой в той или иной форме затрагивались проблемы глобальной безопасности. Адресатами институционально были многочисленные общества, комитеты, комиссии, конгрессы и конференции, посвященные борьбе за защиту мира, ядерное разоружение, запрещение атомной и водородной бомбы. Географически они были расположены в Западной Европе (преимущественно, это Англия, Франция, ФРГ), Северной Америке (США, Канада) и Японии. Письма, как правило, публиковались в «Правде», «Известиях», «Коммунисте» и других советских изданиях. В редких случаях публикация сначала появлялась в западном издании (как, например, первое письмо Н.С. Хрущева Б. Расселу); затем имело место его перепечатка в советской прессе. Впрочем, речь шла только о письмах за подписью Хрущева. Письма за подписью А.А. Громыко, ответы советских послов не публиковались.

Важно учитывать, что сам Никита Сергеевич писем не писал; за него это делал аппарат ЦК или МИДа. Например, целый ряд посланий прошел первоначальное согласование в Международном отделе ЦК КПСС, а затем пересылался в секретариат Н.С. Хрущева, о чем свидетельству, в частности, пометы на ряде документов. Отвечало ли советское руководство на все письма, которые получало? Очевидно, нет. Значительная часть писем оседала во внутренних архивах ЦК и МИДа. В лучшем случае, на них стоял росчерк: «т. Хрущев ознакомился», но чаще всего о них просто не докладывали высшему руководству. Существовала строгая избирательность относительно того, на какие письма можно отвечать. Это должны были быть или письма «друзей» (левых активистов, сторонников советского режима, пацифистов), или очень влиятельных фигур (Б. Рассела, религиозных деятелей), или письма от простых граждан, отождествляемых в советской социальной политике с рабочими и крестьянами. Но даже и в этом случае советское руководство игнорировало те письма, в которых либо содержались излишне критические выпады в отношении политики СССР, либо автор письма был не совсем «чист» с идеологической точки зрения.

Возникает вопрос, почему советское руководство начинает использовать «дипломатию писем»? На наш взгляд, это было связано как с личными амбициями Н.С. Хрущева, который после разгрома антипартийной группы в 1957 г. стал фактическим лидером мирового коммунистического движения, так и с кризисом миротворческого движения¹⁵.

---

¹⁵ Об этом кризисе еще в декабре 1956 г. писал в ЦК КПСС в пространной записке И. Эренбург: «Кризис движения был очевиден в начале минувшего лета [...] Оно то

Осознание того, что ВСМ перестает быть рупором советской пропаганды, заставляет Москву не только менять подходы в вопросах глобальной безопасности, но и обращаться к этике гуманистических идей и ценности жизни в рамках международного диалога.

Для иностранцев главными были темы глобального здоровья человека и влияния на окружающую среду радиоактивных веществ, распространяемых в ходе испытаний (т.е. те аспекты, которые сегодня находятся в рамках проблемного поля биоэтики и биобезопасности). Впервые об этом, обращаясь к мировым лидерам, заявил Жолио-Кюри. В телеграмме от 5 июля 1956 г. он призывал незамедлительно прекратить ядерные испытания, поскольку они создавали угрозу «накопления радиоактивных веществ на поверхности земного шара»¹⁶. Спустя десять дней Жолио-Кюри направил развернутое письмо, в котором более подробно описал опасности радиоактивного заражения: «Люди прямо и косвенно подвержены излучениям, вредное влияние которых еще невозможно точно установить. Даже если прямое излучение меньше дозы, которая считается в настоящее время допустимой, известно, что радиоактивные элементы, которые способны концентрироваться в идущих в пищу растениях, животных и рыбах, могут давать гораздо более сильное и опасное излучение. Таким образом, подверженные длительное время влиянию этих излучений люди станут жертвой генетических нарушений, которые будут приносить горе, страдание и смерть в течение многих поколений»¹⁷. О заражении воздуха, воды и продуктов питания «в такой степени, которая угрожает самому существованию человечества», писали в своем открытом письме представители Рабочего комитета борьбы против атомной смерти ФРГ в марте 1957 г.¹⁸, а в подписанной 27 октября того же года ведущими немецкими физиками-ядерщиками Оснабрюкской резолюции уже в первом абзаце объявлялось, что «народы знают, что атомное оружие угрожает здоровью и существованию всех людей; они знают также [и о том], что многочисленные испытательные атомные взрывы являются большой опасностью для здоровья [людей]...»¹⁹ [эти народы осознают, что] интересы существования чело-

---

выступало против какого бы то было вооружения Германии, то – после некоторых советских заявлений – признавало необходимость создания германской армии, то снова возвращалось к прежней позиции или оно требовало встречи глав пяти держав, высказывалось против встречи четырех и опять-таки меняло свою позицию в зависимости от позиции советской дипломатии или, наконец, в своей оценке перспектив атомной войны оно буквально следовало за нашими определениями» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 10. Л. 39).

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 9. Л. 70.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 9. Л. 71.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 83.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 14.

вещества являются первостепенными, по сравнению с любыми национальными и идеологическими интересами».

В письмах поднимались основные проблемы здоровья людей, связанные с продолжающимися испытаниями ядерного оружия. Так, в письме председателя Комитета американских друзей на службе общества Г. Кэдбэри от 23 июля 1957 г., отмечалось, что «всякое продолжение испытаний бомб вызовет болезни, физическое уродство, смерть... [это] затронет будущее самого человека в той степени, в которой ядерная радиация может влиять на наследственность»²⁰. Об опасности заболевания лейкемией и раком костей, особенно в детском возрасте, было сказано в меморандуме Всемирной федерации научных работников в августе 1959 г.²¹ В этом же документе отмечалось, что радиация из изотопов цезия-137 и углерода-14 может привести к опасным мутациям, которые несут вред будущим поколениям, провоцируя такие заболевания как диабет, гемофилия, врожденный идиотизм и другие²².

Обеспокоенность по поводу вредных радиоактивных выбросов проявляли не только мировые общественные организации и ученые, но и простые люди. Сохранилось несколько писем, рассмотренных Президиумом ЦК, в которых основной темой была проблема здоровья. Например, американские квакеры, жившие неподалеку от Сан-Франциско, жаловались в апреле 1958 г., что из-за выпадения радиоактивных осадков, заражению подверглись их основные продукты питания (овощи)²³. Чуть позднее, в сентябре 1958 г., обеспокоенность по поводу распространившихся случаев заболеваний лейкемией и костным раком выразил Комитет борьбы за запрещение атомной бомбы и за ядерное разоружение городов Абердин и Маунтин Эш²⁴.

В письмах на имя ЦК и Н.С. Хрущева поднимались темы войны и проблемы распространения ядерного оружия. Иногда в них рисовались картины мира, уничтоженного ядерной войной. Пример такого описания имеет место в меморандуме Всемирной федерации научных работников: «Человечество не может больше продолжать балансировать на краю катастрофы, подвергаясь постоянной опасности, что какая-либо ошибка или несчастный случай может немедленно вызвать ядерную войну. Многие сотни миллионов людей погибли как от непосредственного воздействия ядерного оружия, так и от последующего выпадения ядерных осадков. Те же, кто уцелеет в такой войне, будут владеть жалкое существование в условиях страшной нищеты, голода и болезней. Серьезные генетические последствия, которые явятся результатом воз-

---

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 26. Л. 101.

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 123.

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Там же. 124.

²³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 120.

²⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 118.

действия радиоактивных осадков, тяжело отразятся на будущих поколениях. Некоторые из генетиков сомневаются даже в том, сможет ли человечество вообще уцелеть в результате такой катастрофы»²⁵.

Стремительное развитие технологий и науки еще в середине XX в. актуализировало развитие исследовательской этики или ответственности ученых, задействованных в формировании тех направлений, которые оказывают глобальное и трудно прогнозируемое влияние на многие поколения вперед²⁶. В письмах зарубежных корреспондентов часто поднимался вопрос о создании коллективного договора, ограничивающего испытания и вообще использование атомного оружия. Впервые о необходимости такого соглашения писал Б. Рассел, обращаясь к Д. Эйзенхауэру и Н.С. Хрущеву, предлагая им встретиться и «обсудить условия сосуществования, не пытаясь больше добиваться того или иного более-менее скрытого преимущества для своей собственной стороны, а что-бы... постараться добиться таких соглашений и такой перестройки в мире, которые уменьшили бы будущие поводы для борьбы»²⁷. Многие общественные организации также предлагали если не подписание коллективного соглашения, то хотя бы создание безатомных зон. Гораздо реже в письмах встречаются предложения о мирном использовании атомной энергии. Так, японский микробиолог С. Кейсин, обращаясь к Н.А. Булганину и Н.С. Хрущеву, заявлял, что нужно молиться о том, чтобы «атомная цивилизация послужила бы не истреблению человечества на всем земном шаре, а стала бы одной из ступеней к процветанию и его истинному счастью»²⁸. В этих же письмах имели место общегуманистические идеи запрета ядерных испытаний и/или оружия. Например, в одном из них, составленном от имени трехсот деятелей английской культуры, заявлялось об опасностях ядерной войны именно в духовной сфере такими словами: «Вопрос заключается не в том, чтобы противопоставлять материальные опасности духовному спасению, ибо существует угроза такого же полного и нравственного уничтожения, каким было физическое уничтожение, имевшее место в Хиросиме»²⁹.

Ответы коммунистических руководителей на письма иностранных граждан и общественных организаций были, как правило, однотипны. Общей чертой, повторяющейся во всех посланиях, исходивших за подписью Н.А. Булганина, Н.С. Хрущева, А.А. Громыко, советских дипломатов, руководства ВЦСПС, АН СССР и др., было, с одной стороны, стремление доказать адресатам миролюбивость советской политики,

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 122.

²⁶ Эти дискуссии развиваются и в настоящее время в рамках международного диалога на площадках ООН, Всемирной организации здравоохранения и других структур.

²⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 26. Л. 184.

²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 26. Л. 16.

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 111.

приверженность ее идеям разрядки, а с другой стороны, обвинить США, Великобританию, а с 1961 г. и Францию, в попытках срыва миротворческого процесса (что, в частности, выражалось в отказе от переговоров; продолжающихся или возобновившихся ядерных испытаниях; вводе на вооружение новых видов боеголовок, развязывании новых вооруженных конфликтов и т.д.). «От них, и только от них теперь зависит решение этого вопроса, глубоко волнующего все народы», - неоднократно повторялось в советских письмах³⁰.

Несмотря на схожесть обсуждаемых вопросов, можно выделить определенный круг тем, затрагиваемых в письмах советских вождей. Безусловно, главной из них является тема запрета испытания ядерного оружия. Впервые об этом заявил Н.А. Булганин в письме Японскому комитету мира в августе 1956 г. Советский премьер выступал за «безотлагательное полное или хотя бы на известный срок прекращение испытаний атомного и водородного оружия»³¹. В июне 1957 г. Президиум ЦК утвердил текст ответного письма председателю социалистической группы консультативной ассамблеи европейского совета Эдвардсу, о том, что СССР готов «в любое время подписать соглашение о безотлагательном и полном прекращении испытаний на неопределенный срок»³². Впрочем, в том же месяце, в письме англиканскому священнику Дж. Уотерсу Н.С. Хрущев предлагал ввести пятилетний мораторий на проведение атомных испытаний, заочно отвечая на предложения администрации Эйзенхауэра ввести запрет на один год: «Хорошо известно, что годичный срок, примерно такой срок, который требуется для подготовки к очередным испытаниям. Заявлять, следовательно, о приостановке испытания на один год после проведения серии интенсивных испытаний — это все равно, что, плотно позавтракав, объявить голодовку до обеда»³³. Уже в феврале 1959 г. в письме на имя Европейской федерации против атомного оружия Н.С. Хрущев предлагал уменьшить мораторий до четырех лет³⁴, а уже в июне того же года председатель Совета Министров СССР в письме ассоциации бывших участников движения Сопротивления во Франции предлагал «прекратить на вечные времена испытания атомного и водородного оружия»³⁵. Таким образом, единой позиции по срокам прекращения испытаний в ЦК КПСС не было.

Заметим, что советское руководство в лице Н.С. Хрущева активно пропагандировало идею глобального договора о ядерной безопасности. Впервые такие идеи советский лидер озвучил во втором письме Б. Рас-

³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 115.

³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 25. Л. 138.

³² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 26. Л. 2.

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 26.

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 30. Л. 40.

³⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 84.

селу, которое не только стало своеобразным полемическим ответом госсекретарю США А. Даллесу, но и призывало к диалогу двух государств: «Не пора ли одуматься, закончить словесную дуэль, ликвидировать холодную войну, начатую немирнолюбивыми народами, и перейти к конкретным переговорам, чтобы в деловой обстановке шаг за шагом продвигаться по пути решения назревших международных проблем, в том числе, и проблем разоружения. А для этого нет необходимости отказываться либо Советскому Союзу, либо Соединенным Штатам Америки от своей идеологии»³⁶. В июле того же года Н.С. Хрущев предложил Жюлио-Кюри создать международный Комитет или Комиссию по ликвидации холодной войны³⁷. О необходимости переговорного процесса объявлял Н.С. Хрущев в письме Английскому комитету защиты мира в январе 1959 г.: «Если не помышлять о войне, то от переговоров никуда не уйти. В условиях мирного сосуществования, альтернативой которого может быть только всемирная война, переговоры между государствами становятся неизбежными»³⁸. Важно также и то, что, призывая к переговорному процессу, Н.С. Хрущев руководствовался Уставом ООН, как правовой нормой, регулирующей международные споры³⁹.

Общим рефреном во всей корреспонденции с Советской стороны звучали общегуманистические идеи. Отвечая на письмо трехсот деятелей английской культуры об опасностях атомной войны, Н.С. Хрущев писал: «Читая проникнутые нескрываеваемой тревогой строки вашего письма, лишний раз убеждаешься в том, что люди разных профессий и убеждений не только глубоко осознают нависшую над миром угрозу ядерной войны, но и все более решительно выступают в защиту мира. Не трудно понять, что для людей труда, создающих материальные и духовные ценности, само слово “война”, означающее смерть и разрушение, звучит антитезой всей их сознательной деятельности... Человек живет и создает не для того, чтобы по злой воле ослепленных нетерпимостью и ненавистью политиков или ошибок военных уносить человеческие жизни и разрушать плоды их мысли и труда»⁴⁰. В августе 1960 г., приветствуя участников VI Токийской конференции, Хрущев сообщал, что «правительство Советского Союза ставит превыше всего заботу о благе человека»⁴¹. Гораздо реже в письмах просматривается идея использования атомной энергии в мирных целях. В ответном письме руководству Бретвудского отделения организации «Движение за ядерное разоружение» в августе 1958 г. Н.С. Хрущев написал, что после запре-

³⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 86.

³⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 11. Л. 57.

³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 40.

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 104.

⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 30. Л. 129.

щения испытаний, «освобожденная гением человека атомная энергия стала бы полностью служить делу мира»⁴². Имеются лишь единичные случаи, когда советское руководство обращало внимание на проблемы здоровья, связанные с ядерными испытаниями. Так, в директивных указаниях советской делегации на Международной конференции ученых против атомной опасности в Вене в сентябре 1958 г. было написано, что «повышая радиоактивное заражение атмосферы, почвы и воды, увеличивается число тяжелых заболеваний человеческого организма, особенно в детском возрасте, число уродств в будущих поколениях людей»⁴³. О здоровье людей упомянул Хрущев в письме священнику Дж. Коллинзу такими словами: «Настало время навсегда покончить с таким положением, когда из-за продолжающихся по сей день испытаний ядерного оружия здоровье и жизнь людей в мирное время подвергаются постоянной и все возрастающей опасности».

Примечательно, что переписка Советского руководства шла только с иностранными гражданами, советские люди в этом не участвовали. Руководитель Твикенхэмского Совета по запрещению ядерного оружия даже спрашивал у Хрущева: «Имеют ли народы Советского Союза такую же возможность протестовать против гонки ядерных вооружений, и, в частности, высказывается ли вашим народом требование об одностороннем прекращении Советским Союзом ядерных испытаний»⁴⁴.

Сохранилось лишь небольшое количество писем, непосредственно рассмотренных членами Президиума ЦК КПСС. Одно из них – коллективное письмо жителей г. Бежецка, которые предлагали передать все атомное оружие Советского Союза Америке, «чтобы она им подавилась». «Народы всего мира не видят покоя вот уже 21 год. Постоянное нервное напряжение отражается на здоровье всего населения, в том числе и на цветах нашей жизни – детях. Сколько времени капиталисты и социалисты будут соревноваться в совершенствовании атомного оружия, угрожающего всему миру? Такое соревнование, особенно с подзадориванием, не может кончиться благополучно. Поэтому народ требует от вас положить, наконец, конец игре с огнем и смертью», – считали жители г. Бежецка⁴⁵. Другое коллективное письмо представляет собой обращение учителей Алтайского края, впервые поднявших проблему влияния ядерных испытаний на здоровье людей, в котором упоминалось о смерти жительницы Алтая от контакта с ядерными отходами⁴⁶. Но в целом такая ядерная пропаганда была рассчитана на внешнего читателя, являясь важной частью мирового диалога о глобальной безопасности,

---

⁴² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 74.

⁴³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 113.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 46.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 33. Л. 5.

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 33. Л. 45.

что никоим образом не было связано с ведением аналогичного диалога внутри страны и/или активизацией гражданского участия в нем.

Москва наряду с пропагандой своей позиции по ядерной проблематике, предпринимала и определенные шаги. 10 мая Верховный Совет СССР обратился к Конгрессу США и Парламенту Англии с предложением о подписании соглашения о запрете ядерных испытаний. 31 марта 1958 г. советское руководство пошло на беспрецедентный шаг – Верховный Совет СССР принял постановление об одностороннем прекращении СССР испытаний атомного и водородного оружия. И хотя такое решение было принято после проведенной Советским Союзом серии мощных испытаний на территории Сибири и Казахстана, оно оказало довольно сильный эффект на мировую общественность. В связи с этим в августе 1958 г. США даже предложили созвать конференцию трех держав по вопросу о запрещении испытаний ядерного оружия на один год. Однако уже с 1960 г. интонации советского руководства постепенно меняются. После инцидента с пилотом Ф. Пауэрсом и срыва саммита четырех в Париже в мае 1960 г.⁴⁷ вновь в советских письмах появляются милитаристские нотки. Отвечая священнику Коллинзу о срыве миротворческого диалога, Хрущев заявил: «Агрессивное вторжение американских самолетов в воздушное пространство СССР в канун созыва совещания в верхах и наглое провозглашение подобных полетов государственной политикой США были сознательной провокацией, рассчитанной на создание таких условий, при которых совещание в верхах было бы невозможно»⁴⁸. Сорвались и Женевские переговоры, которые велись уже несколько лет. Причиной этого стали разногласия по деятельности контрольных комиссий, ответственных за распространение ядерного оружия. Англия и США добивались того, чтобы члены контрольных комиссий могли беспрепятственно разъезжать по территории СССР, тогда как Москва увидела в этом требование легализации разведки. С 1961 г. символы милитаризма в языке советских руководителей усиливаются. Так, отвечая Л. Поллингу, Н.С. Хрущев заметил, что человечество «близко к грани новой военной катастрофы»⁴⁹, а срыв мирных переговоров объявил «выкатыванием пушек на позиции»⁵⁰. 31 августа 1961 г. Верховный Совет СССР принял указ о возобновлении ядерных испытаний. В его тексте объяснялось, что это связано с реакцией на соответствующие шаги западных держав: «Чтобы отбить у агрессора охоту к преступной игре с огнем, нужно, чтобы он знал и видел, что в мире

⁴⁷ Липкин 2016. С. 318-319.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 30. Л. 81. Впрочем, это еще довольно сдержанная и весьма отретушированная реакция советского руководителя. Об откровенных фразах Н.С. Хрущева в советском посольстве в Париже, см.: Таубман 2008. С. 506.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 31. Л. 121.

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 31. Л. 122.

есть сила, готовая во всеоружии отразить любое поползновение на независимость и безопасность миролюбивых государств и что оружие возмездия достигнет агрессора в его собственном логове»⁵¹. С конца 1961 г. на смену антиядерной риторики приходит идея всеобщего мирового разоружения. Этому направлению был посвящен проходивший в июне 1962 г. в Москве Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Однако на фоне втягивания двух держав в Карибский кризис, советское руководство начало выражать некоторую обеспокоенность, подавая дипломатические сигналы. Так, в письме председателю компартии Японии С. Носаку в июле 1962 г. Хрущев заявлял, что советское правительство готово договориться «о прекращении испытания ядерного оружия и отдельно, не ожидая, пока будет достигнуто соглашение о всеобщем и полном разоружении»⁵². Однако уже с августа 1962 г. диалог прерывается, а мир скатывается в пучину Кубинского ракетного кризиса.

После смерти И.В. Сталина и XX съезда КПСС советское руководство осознало бесперспективность вооруженного противостояния с капиталистическим миром и объявило о необходимости формирования международного диалога, в т.ч. по вопросам глобальной этики и ядерной безопасности. Смена дискурса советского руководства во многом объяснялась изменившейся международной повесткой. Мировая общественность к середине 1950-х гг. благодаря распространению информации осознала негативные последствия испытаний ядерного оружия как для здоровья человека, так и для окружающей среды.

Можно сделать вывод, что переписка между советским руководством и мировой общественностью стала одним из важнейших инструментов формирования диалога о глобальной биобезопасности. В период «дипломатии писем» мы наблюдаем расцвет самых разных идей и проектов, затрагивающих проблемы денуклеаризации и этики международного договора. Ее анализ показывает, что если для мировой общественности (от Б. Рассела до простых американских квакеров) в центре внимания были проблемы человека, то для советского руководства личность оказалась на периферии; главное внимание оно уделяло всемирному разоружению, запрету ядерного оружия.

Открытым остается вопрос о том, насколько советское руководство было искренним в своих посланиях миру о мире. Пропагандируя всеобщее разоружение и полное уничтожение ядерных запасов, Москва одновременно наращивала свой ядерный потенциал и испытывала новые виды оружия массового уничтожения. Но, следует признать, что период «дипломатии писем» стал важным шагом на пути к выработке глобального диалога о мировой ядерной биобезопасности. Такой меж-

⁵¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 31. 104.

⁵² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 33. Л. 30.

дународный диалог позволил перейти к новому этапу, завершившемуся, с одной стороны, официальным подписанием договоров в рамках ОСВ и СНП, а, с другой, появлением новых международных организаций⁵³, объединивших мировую общественность в поиске подходов к решению вопросов, связанных с глобальной биобезопасностью в 1980-е годы⁵⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Велембовская Ю.А. Бертран Рассел. Ученый в борьбе против атомной угрозы // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 81-109 [Velembovskaya Yu.A. Bertran Rassel. Uchenyy v bor'be protiv atomnoy ugrozy // Novaya i noveyshaya istoriya. 1999. № 6. S. 81-109]
- Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М.: Аквилон, 2016 320 с. [Egorova N.I. «Narodnaya diplomatiya» yadernogo veka: Dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniya, 1955–1965 gody. M.: Akvilon, 2016 320 s.]
- Егорова Н.И. Вклад Движения сторонников мира в антиядерные кампании середины 1950-х — начала 1960-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 2 (35) URL: <https://history.jes.su/s207987840000987-4-1/>. DOI: 10.18254/S0000987-4-1 [Egorova N.I. Vklad Dvizheniya storonnikov mira v antiyadernye kampanii serediny 1950–nachala 1960-kh gg. // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». 2015. T. 6. Vypusk 2 (35) URL: <https://history.jes.su/s207987840000987-4-1/>. DOI: 10.18254/S0000987-4-1]
- Егорова Н.И. Влияние движения сторонников мира на политику ядерного разоружения. 1950 – 1960-е годы // Новая и Новейшая история. 2015. № 6. С. 70–85 [Egorova N.I. Vliyaniye dvizheniya storonnikov mira na politiku yadernogo razoruzheniya. 1950–1960-e gody // Novaya i Noveyshaya istoriya. 2015. № 6. S. 70 – 85]
- Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016. 560 с. [Lipkin M.A. Sovetskyy Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov. M., 2016. 560 s.]
- Мир и разоружение. Научные исследования/гл. ред. Н. Н. Иноземцев. М., 1982. 519 с. [Mir i razoruzhenie. Nauchnye issledovaniya/gl. red. N. N. Inozemtsev. M., 1982. 519 s.]
- Новик Ф.И. "Оттепель" и инерция холодной войны (германская политика СССР в 1953-1955 гг.). М., 2001. 276 с. [Novik F.I. "Ottepel'" i inertsiya kholodnoy voyny (german-skaya politika SSSR v 1953-1955 gg.). M., 2001. 276 s.]
- Робертс Дж. Шанс для мира? Советская кампания в пользу завершения «холодной войны». 1953-1955 годы//Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 35-75 [Roberts Dzh. Shans dlya mira? Sovetskaya kampaniya v pol'zu zaversheniya «kholodnoy voyny». 1953-1955 gody//Novaya i noveyshaya istoriya. 2008. № 6. S. 35-75]

⁵³ В числе таковых «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» и др.

⁵⁴ Как очевидно, современные государства и сейчас ищут общие подходы... и здесь на месте ядерного оружия возникают такие многокомпонентные вызовы как, например, идея о том, что отдельные технологии, разрешенные в сельском хозяйстве, промышленности и медицине могут быть использованы для создания новых видов биологического оружия (производство которого с каждым годом может становиться дешевле). Предлагают они и новые инициативы, в числе которых, например, инициатива «Один мир, одно здоровье», предложенная Всемирной организацией здравоохранения (когда речь идет об угрозе растущей урбанизации, возникновении новых болезней, распространении эпидемий в новых необжитанных локациях). Все это нуждается как в поиске путей и выработке этики мирового диалога, так и в изучении и привлечении опыта прошлого, учета его ошибок и просчетов в реализации социальных и культурных проектов в области конструирования этики глобальной безопасности сегодня.

- Тарле Г.Я. Движение сторонников мира в СССР. М., 1988. 235 с. [Tarle G.Ya. Dvizhenie storonnikov mira v SSSR. M., 1988. 235 s.]
- Таубман У. Хрущев. М., 2008. 850 с. [Taubman U. Khrushchev. M., 2008. 850 s.]
- Хайцман В.М. Советский Союз. Разоружение. Мир. События и факты, 1917-1962. М., 1962. 158 с. [Khaytsman V.M. Sovetskiy Soyuz. Razoruzhenie. Mir. Sobytiya i fakty, 1917-1962. M., 1962. 158 s.]
- Харахардин О.С. Сорок лет против третьей мировой... Общественность и проблемы войны и мира (прежде и теперь). М., 2002. 274 с. [Kharakhardin O.S. Sorok let protiv tret'ey mirovoy... Obshchestvennost' i problemy voyni i mira (prezhde i teper'). M., 2002. 274 s.]
- Berns K. I. Review of Grand Challenges for Biosafety and Biosecurity, by Segaran P. Pillai. Edited by Stephen Allen Morse. *Frontiers in Bioengineering and Biotechnology*, vol. 2, (2014). <https://doi.org/10.3389/fbioe.2014.00035>.
- Gostin L. O. "Public Health Emergency Preparedness: Globalizing Risk, Localizing Threats." *JAMA* 320, no. 17, 2018, p. 1743-1744.
- Gursky E., Inglesby T. V., O'Toole T. Anthrax 2001: observations on the medical and public health response. *Biosecurity and Bioterrorism*. Vol. 1, 2003, p. 97-110.
- Kramer M. The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe, p. 1. - *Journal of Cold War Studies*, v. 1, 1999, № 1, p. 12-30.
- Larson D.W. *Anatomy of Mistrust: US-Soviet Relations during the Cold War*. Ithaca, 1997.
- Nordmann B. D. Issues in Biosecurity and Biosafety. *International Journal of Antimicrobial Agents, Global Trends of Emerging Zoonotic Diseases*, 36, 2010, p. 66-69.
- "WHO | Biosafety and Laboratory Biosecurity." World Health Organization. Электронный ресурс: <http://www.who.int/ihr/biosafety/background/en/>

Шок Наталия Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет (ПИМУ) Минздрава России; shok.nataliya@gmail.com

Никита Юрьевич Пивоваров, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук, Первый МГМУ им. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), научный сотрудник, ПИМУ Минздрава России; pivovarov.hist@gmail.com

“For World Peace”: humanism and ethics of global safety in the ideological policy of the Soviet leadership (1956-1962)

The article is devoted to peacemaking policy of the Soviet leadership during 1956-1962, the period when the USSR gradually moved from an open confrontation to a peaceful competition. The main attention is paid to the analysis of the ideas of the Soviet leadership in the field of global biosafety and bioethics. The main sources are the materials of the highest party organs - the Central Committee of the CPSU(b) / CPSU, including documents on the preparation and participation of representatives of the USSR in various peacekeeping organizations, the correspondence of Soviet leaders with representatives of world public organizations, outstanding scientists, and ordinary people from other countries demonstrating the reaction of the Soviet leadership to militaristic and anti-human measures.

Keywords: Soviet history, history of bioethics, humanism, Central Committee of the CPSU (b) / CPSU

Nataliya Shok, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Social Sciences and the Humanities, PRMU MOH RF (Nizhny Novgorod), shok.nataliya@gmail.com

Nikita Pivovarov, PhD in History, associate professor, Sechenov University; researcher, Department of Social Sciences and the Humanities, PRMU MOH RF (Nizhny Novgorod); pivovarov.hist@gmail.com